

смачивается самими германо-швейцарцами как отражение естественного процесса освоения национальным диалектом различных сфер духовной жизни общества. Подчеркивая возрастающую роль диалекта как основного средства повседневного общения германо-швейцарцев, некоторые лингвисты нередко задаются вопросом, является ли Швейцария, как ее привыкли считать в мире, страной четырех языков, и не следует ли говорить о пятиязычной Швейцарии, поскольку в германо-швейцарских кантонах страны наряду с официальным языком — немецким более широко во всех общественных функциях (кроме письменной речи) используется Schwytzerdütsch. Неупоминание этого фактора создает, по мнению этих ученых, при формальном перечислении национальных языков страны (немецкий, французский, итальянский, ретороманский) не совсем правильное представление о реальной языковой ситуации в Швейцарии [34, с. 38]. Любопытно в этом отношении швейцарская бытовая зарисовка Д. Затонского, который, побывав в семье протестантского пастора, вспоминает: «Воспитанные дети Курта Марти тихонько хихикали за столом, когда их отец (по причине моего присутствия) вел беседу на Hochdeutsch. Немецкий — язык официозов, язык церкви, школы, армии. То есть в известной мере отчужденный от повседневного быта, торжественный, даже „мертвый“ язык. Это — сказал мне, улыбаясь, Биксель, — все равно, что латынь для средневековой Европы. Ведь не стали бы вы тогда на лытыни болтать с зеленщиком или ребенком? Так и мы просто не можем говорить между собой по-немецки...» [35, с. 310]. Макс Фриш, который в повседневной жизни говорит на своем диалекте, а произведения художественной литературы пишет на литературном языке, в ответ на вопрос, почему он в своих книгах непосредственно не описывает Швейцарию, отвечал, что он «не в силах заставить двух цюрихцев, встретившихся на мосту через Лиммат, беседовать между собой по-немецки» [35, с. 312].

Таким образом, структура речи и языковая ситуация в немецкоязычной Швейцарии характерным образом отличаются от других стран распространения немецкого языка. Они складывались в условиях самостоятельного национального «коллектива сношений» в соответствии с собственными коммуникативными потребностями и на основе собственных языковых ресурсов.

Заканчивая этот анализ, подчеркнем: если принять за основу распространенное в языкознании положение о национальном языке как совокупности форм, в которых реализуется язык эпохи нации [36, с. 10], то, рассмотрев систему форм немецкого языка в странах его распространения, полагаем необходимым заключить, что при всем языковом единстве самостоятельные национально-государственные общности всегда формируют собственную социофункциональную систему форм существования данного языка и языковую ситуацию в соответствии с собственными коммуникативными потребностями. В этом смысле системы форм языка, обслуживающие национально негомогенные (полинациональные) языковые общности, всегда обнаруживают как в отношении состава форм языка, так и их функций национально ориентированный характер.

Кстати, напомним, что именно совокупность форм, в которых реализуется тот или иной язык, М. М. Гухман определяла в эпистемологическом плане в качестве функциональной парадигмы. Она писала: «Под функциональной парадигмой понимается модель, отражающая иерархическое построение системы форм существования конкретного языка. В функциональной парадигме вычленяются в соответствии с отдельными формами существования языка уровни или страты. Иными словами, система форм существования языка относится к языковой онтологии, функциональная парадигма — категория эпистемологическая» [37, с. 4]. Однако, поскольку отдельные формы существования языка нации, как можно было установить, нередко соотносятся в большей или меньшей сте-